

Андрей Авантов

Сны левого оппозиционера в эпоху мировой империалистической реакции.

WARNING!!! Не рекомендуется читать лицам, обладающим тонкой и чувствительной психикой, а также тешащим себя сладкими иллюзиями в отношении современного левого движения, поскольку автор несёт полную и безоговорочную моральную ответственность за возможные нервные срывы, депрессии и апатию (верно для снов 1-5), а также за приступы немотивированного оптимизма (верно для снов №6 и №7). Рекомендуется для прочтения лицам, отдающим себе отчёт в том, что происходит в современной России и мире.

Сон первый. Опасный.

Москва. Иду на первомайскую демонстрацию. Прихожу. Октябрьская площадь, 10 часов утра. Всё как обычно, кроме одного: площадь пуста. Удивляюсь. Первые мысли: начало шествия перенесено на другое время или в другое место. Жду, места не меняю. Проходят обычные прохожие, по облику никакого отношения к празднику не имеющие. Обычные настолько, что спросить их о демонстрации оппозиции – значит усомниться в несомненности их обычности. Дождлся 11 часов. Площадь пуста. Последняя надежда – отстал. Тороплюсь, разворачиваю флаг, начинаю движение.

Пройдя метров двести, делаю наблюдения: автомобильное движение перекрыто, по бокам дороги стоят полицейские (всё ещё кого-то охраняют, хотя демонстрации на горизонте не видно), отставших от шествия нет. Путь пуст и свободен. Дохожу до Красной площади, сворачиваю на Лубянскую. На ней вместо красного погружаюсь в серый цвет шинелей. Так и не поняв, опоздал я или пришёл раньше, ухожу.

Вечером смотрю «Новости». Диктор говорит: «Сегодня утром в 10 часов состоялась традиционная первомайская демонстрация, организуемая коммунистами. По непонятным причинам движение началось с опозданием на час». Одновременно показывают саму демонстрацию: меня, идущего с флагом по пустой Тверской.

Звоню товарищу, который должен был прийти на демонстрацию, но по непонятным причинам не пришёл.

- Смотрел новости?

- Только что. Чуть какая-то. Показали меня, идущего с флагом по пустой Тверской.

Сон второй. Метеорологический.

Не спится, и я решаю выйти на улицу, прогуляться в столь поздний час. Окна не горят, прохожие не идут, машины не едут, ветер не дует; темно, тихо, спокойно, никак. Случайно и механически, невзначай, скорее всего

для разнообразия, поднимаю взгляд на небо. Там звёзды и нет Луны. Не то, чтобы нет совсем, но вместо неё – лунный Серп и Молот.

Любуюсь.

Потом Серп и Молот уплывает за десятиэтажку. Через некоторое время в одном доме загорается окно. Это я вернулся домой. Звоню другу, чтобы поделиться своим наблюдением (открытием, прозрением, видением, сумасшествием).

- Извини, что звоню поздно... или рано, неважно, главное, чтобы вовремя. Ты сегодня видел Луну?

- Нет.

- А что видел?

- Звезду.

- Героя Советского Союза?

- Нет, – иронизирует друг, – Давида.

- Интересно, а что видел третий друг?

- Ему уже поздно звонить.

- Ладно, дождёмся прогноза погоды. Должны сообщить официальную версию.

Прогноз погоды: «Вчера ночью наблюдалось необъяснимое природное явление – отсутствовала Луна. По прогнозам метеорологов, в ближайшее время вероятно отсутствие Солнца. Об исчезновении Земли будет сообщено своевременно».

Сон третий. Отчуждённый.

Место действия: край Галактики, периферия капитализма, провинция страны, окраина города.

Время действия: пасмурное утро неясного года, неясной эпохи.

Я выходит из дома и с порога наталкивается на людей. Никто никуда не идёт, все стоят – и я, и другие – пройти невозможно, так много народу. Судя по времени, все вышли на работу, но почему-то стоят. Охватывает ощущение, что стоят не только здесь, но и в других районах города. Чем больше проходит времени, тем сильнее это ощущение. Оно перерастает в понимание того, что стоят и в других городах. Через три часа я понимаю, что так стоят люди сейчас и в других странах. Соответственно, стоят не только люди – транспорт, предприятия, фабрики, время. Стоят и молчат. Я по-прежнему находится на пороге дома. Я смотрит на лица окружающих, на них нет ничего, в их глазах – растерянность. Люди не знают, что делать. Это единственное, что их объединяет. Это же непонимание и незнание – единственное, что их – оказавшихся впервые вместе – разобщает. Я не знает, что делать. На третий год меня начинает глодать вопрос «Что же всё-таки делать?» Я ещё раз смотрит в глаза окружающих – в них тот же вопрос. Через год меня пронизывает молния понимания, я начинает понимать, что делать, делать сейчас, сию минуту, сию... Я пробуждаюсь ото сна. Просыпаюсь.

Время дальнейших действий: ясное утро.

Сон четвёртый. Стенной.

Центр города. Опять вокруг меня демонстрация. Внутри меня – она же. Воздух так настоян на единодушии собравшихся здесь людей, что каждый вдох радостен и лёгок. Сегодня наш праздник, наше солнце, наши флаги. Всё наше. И как-то забывается, что этому празднику суждено длиться лишь один день. Этим днём все сейчас и живут. Завтрашних дней нет.

Итак, утро. Огромная масса людей, движимая одной судьбой, движется в одном направлении, чтобы рассосаться позже в ещё большей и незаметной массе одиноких этого города.

К полудню с широкого проспекта людская лавина уходит на шоссе. По-прежнему играет музыка, и небо по-прежнему во флагах. Люди старшего поколения чувствуют усталость и потихоньку сворачивают поношенные транспаранты, расходятся по коммуналкам, больницам, домам престарелых, могилам.

Днём с шоссе демонстрация сворачивает на какую-то улицу, не способную вместить всех, лавина превращается в плотный поток. Музыка стихает – здесь уже нет места усилительным установкам. Занавески домов и сушащееся на веревках белье начинают мелькать чаще флагов. Семейные люди, почуяв, как повеяло уютom и домашним супом из окон близлежащих домов, расходятся по семьям.

Начинает смеркаться, и оставшиеся сворачивают с улицы на парковую аллею. Кто-то запекает, но молчание остальных заглушает песню. На фоне заката становятся незаметны флаги, на фоне теней – люди. Молодёжь расходится по любовным историям, пьяным разговорам и бытовым убийствам.

К ночи в лесу остаются единицы. Вначале на еле заметной тропинке ещё слышны шаги, позже слышны только подо мной. Похоже, демонстрация подходит к концу. И точно, через время оказываюсь перед бетонным забором. Дверь. На ней висит табличка с банальным предупреждением «Посторонним вход запрещён». Не зная о том, что находится за дверью, не могу судить о степени своей посторонности. Чтобы это выяснить, захожу в забор.

- Ну вот, пришёл. Теперь можно начинать, – доносится голос.

Оказывается, там ещё темнее. Там оказывается лес всего (не знаю, что это такое, сам первый раз вижу, поэтому не могу объяснить). Перед лесом всего, прямо возле меня, стоят неясные фигуры с оружием: то ли мирные охотники, то ли бандиты, то ли полицейские, то ли повстанцы.

Меня разворачивают, ставят лицом к забору.

- Слушайте, а может быть, я посторонний? Может быть, я вернусь?

- Раз ты сюда дошёл, а тем более, вошёл, то ты здесь не посторонний. А возвращаться тебе уже некуда, потому что ты видел лес всего. Ты бы не сделал и шага в лесу всего – в лесу всего могут пройти только все. Тогда и рассветёт. Одиночек мы не отпускаем.

Выстрел тревожит пока единственных обитателей леса всего – кро- та и сову.

Сон пятый. Гематологический.

Через неделю после сдачи крови на анализ прихожу в районную поликлинику за справкой. Захожу в кабинет, врач сажает меня перед собой и начинает разговор.

- Вы знаете, в вашей крови обнаружены странные тельца, не имеющие ничего общего с остальными элементами: они золотистого цвета, отчётливо выделяются на фоне красных эритроцитов. Рабочее название этих телец – серпцы и молотцы. Для комплексного исследования нам необходимо изъять вашу кровь, возможно мы стоим на пороге новой науки – политической гематологии.

- Изъять кровь? О чём вы говорите? Как же я смогу жить?

- А зачем вам жить? По предварительным, но весьма вероятным анализам вас ожидают два варианта развития событий: либо содержание «серпцов и молотцов» падает до неприемлемого для чести человека уровня, и он умирает в муках совести, либо их содержание доходит до критического, составляя 50% плюс 1, кровь в человеке кипит, и он сгорает. Выбора у вас нет.

- Но зачем же изымать кровь?

- Как вещественное доказательство.

- Доказательство чего?

- Что идеи коммунизма, начавшие претворяться в жизнь опытом СССР, живы.

- Вы говорите с такой осведомлённостью, как будто политическая гематология – уже состоявшаяся наука.

- Вы первый живой человек вне круга политических гематологов, который узнал об этом.

- Почему же вы это скрываете?

- Мы боимся огласки того научного факта, что идеи коммунизма в крови людей. Клинические исследования показали, что единственный способ передачи этой болезни – сообщение по всем средствам массовой информации о нашем открытии века, а может быть, и всего будущего тысячелетия. Это может вызвать эпидемию и как следствие – закипание крови народа.

- А почему вы считаете, что это болезнь?

- Пока эти случаи единичны, они считаются аномалией и болезнью. Если случится эпидемия в масштабах человечества, это станет нормальным здоровым состоянием. Наша задача – не допустить эпидемии.

- Стараетесь не допустить нормального здорового состояния человека?

- Но войдите в наше положение, ведь тогда рухнет, станет ненужной вся глобальная медицинская индустрия, основанная на ненормальном болезненном состоянии человека. Нас отправят на свалку истории.

- Но ведь это состояние станет нормальным и для вас.

- Нет, в нас течёт голубая кровь, своего максимума температуры мы уже достигли в ходе эволюции того общества, которое вы называете капиталистическим, а мы – нормальным и вечным.

- А вам не кажется, что наши идеи не только в крови людей, но уже витают в воздухе? Вот, например, три дня назад я видел Серп и Молот вместо Луны.

- Это уже в компетенции политической метеорологии. Закончим этот пустой разговор. Пройдёмте.

Меня ведут по коридору, заходим в донорское отделение, и я чувствую, как во мне всё закипает.

Сон шестой. Смертельно оптимистичный.

Прошло время мирных демонстраций, когда плакатами агитировали только оборачивающихся единомышленников; когда размахивали флагами хоть и лучших, но прошлых эпох, а, значит, и шли – назад; когда извне смотрели на нас как на сумасшедших; когда мы сами воспринимали своё бессилие как сумасшествие. Затем прошло время слезоточивых газов, резиновых дубинок и голодных овчарок, как сито отсеявших тех, кто либо устал и разочаровался, либо мог только пятиться, либо ошибся дорогой.

Похоже, сегодня мы сделаем первый шаг вперёд, точнее – просто первый шаг. Похоже, сегодня будут стрелять. Это ощущает каждый пришедший сюда. Хотя, правильнее говорить уже не «каждый», а «все». Вот из-за дон-кихотовых мельниц выглядывают всегда стоявшие за ними великаны, ощериваются стволами. Я стою среди тысяч (черт, опять оговорился по привычке старым, не тем словом, конечно же, надо говорить не «среди», а «вместе с», но ничего, скоро это пройдёт). Точнее сказать – стою в монолите тысяч – тысяч, кипящих знамёнами – уже не висящими на деревянных палках – а вздетыми на штыки.

Раздаются первые залпы. Наши винтовки-флаги из штурмующих небо становятся штурмующими великанов. Стоя в первых рядах, я замечаю странную вещь – в нас стреляют, но никто не падает, никто не ранен, никто не убит. Удивлённый, я спрашиваю у товарища:

- Слушай, а тебе не кажется, что они стреляют холостыми, ведь нет ни одного павшего?

- Да нет, они не такие дураки, чтобы брать нас на испуг. Они прекрасно понимают, какую опасность для них и для их общества мы представляем. Будь уверен – они палят боевыми.

- Так почему же нет ни одного попадания?

- Я тоже об этом подумал. Знаешь, наверное, потому, что они стреляют из другой эпохи. Пули просто не могут до нас долететь. Не могут долететь из прошлого в будущее, где они уже больше не нужны, где им просто нет места. Где не в кого и не за чем стрелять. Впрочем, это предположение.

Я молчу.

- К тому же, знаешь, – продолжает товарищ, – я только сейчас понял, что смерть в бою, в борьбе – это самое лёгкое и простое из тех испытаний, которые нам предстоит выдержать в будущую, наверно, уже настоящую, эпоху созидания нового общества. Разница в том, что теперь это будут радостные и светлые испытания и страдания, но, пожалуй, не менее трудные.

- Какая-то химера загробной жизни. Ни черта не понимаю.
- При чём здесь загробная жизнь? Не загробная, а новая земная.
- Значит, меня не убьют?

Пуля вонзается в грудь, я падаю и ещё слышу, как надо мной проносятся:

- Сказал бы не «меня», а «нас», всё было бы по-другому...

Сон седьмой. Бездонный.

Освобождённое человечество, разорвавшее оковы старого общества, скинувшее путы эксплуатации, в составе приблизительно семи миллиардов человек шагает по столбовой дорожке своего развития. Полдень, асфальт магистрального шоссе трансэпохального значения чуть не плавится под палящим солнцем будущей светлой эры. Горизонт чист – впереди непаханое поле грядущих свершений, позади огромная гора, сложенная из камней, свалившихся с души теперь уже счастливых людей. Дышится легко – и от того, что воздух свеж, и от того, что на душе легче. Над шагающим вперёд человечеством пролетают ещё не открытые виды птиц, вдалеке пасутся стада новых невиданных животных, поражающих грациозностью – результат биоискусства, нового направления человеческого творчества.

Время близится к обеду, человечество делает привал, чтобы перекусить, набраться свежих сил. Мне поручили варить кашу для города, в котором я живу. Кто-то набрал дров, кто-то помог развести костёр, в общем, через полчаса еда была готова. Ну, в общем, нормально так посидели, перекусили. И вдруг сосед говорит как бы невзначай:

— А вы знаете, ходят слухи, что впереди пропасть. Не скоро – лет через сто пятьдесят. Мне, честно говоря, не очень-то верится, что всемирно-историческое шоссе проложено так необдуманно, но слухи такие есть.

— Не беда, – говорит другой сосед, – пропасть так пропасть, научимся заодно строить мосты через бездну. Делов-то. Ребята из Общества Исторического Дальновидения вообще полагают, что нас ожидает ещё десять бездн, а из Общества Исторической Инженерии – что непреодолима только седьмая. Да и то они уже работают над переосмыслением понятия «непреодолимость», и не факт, что оно будет существовать к тому времени. Так что паниковать рано.

— Не так-то всё просто, – замечает третий. – Когда мы подойдём к краю пропасти, нам может не хватить времени на строительство моста, поскольку неумолимый ход исторического развития будет неизбежно толкать нас вперёд. И тогда движение вперёд окажется падением. Ведь прогресс и регресс, жизнь и смерть – это всё фазы единого процесса развития, в котором смерть – просто последняя фаза.

Спор ни к чему не привёл, просто пессимисты и оптимисты разошлись по разным обществам: первые – в Общество по Изучению Дна Бездны, вторые – по Изучению Противоположного Края Бездны. Постепенно разногласия стали обостряться, и предстоящая пропасть начала прорастать в самом человечестве трещиной, разделяющей людей на сторонников обратного пути, с одной стороны, и необратимого движения – с другой.

За десять лет до бездны сторонники обратного пути так упорно настаивали на том, что необходимо развернуться (какая глупость, они хотели повернуть историю вспять!!!), что замедлили ход исторического развития. Но не всегда замедление дает больше времени – в итоге к моменту подхода к бездне Общество Строительства Моста соорудило лишь среднюю часть конструкции, до которой, естественно, невозможно было добраться (я как автор, конечно, сам не понимаю, как такое возможно, но такое ли ещё невероятное будет возможно в будущем?).

Итак, наступил предсказанный день. Пропась распахнула перед нами свою бесконечность. На краю пропасти стояли сторонники движения вперед. Время шло, пропасть приближалась, а значит, надо было принимать решение. И оно было принято – идти вперед.

Первым сделал шаг не один отдельный человек, это был первый шаг миллионов или миллион первых шагов. И вот мы стоим на той плоскости пропасти, которая перпендикулярна оставшейся сзади, точнее, теперь уже внизу, в шаге от нас. Перед нами – новые невиданные горизонты, бездна осталась позади. Так мы преодолели ещё одно старое понятие старого общества – «бездна». Мы шли по широкому магистральному шоссе, по столбовой дороге человечества, а над нами пролетали те, кто не смог сломать стереотипы и предрассудки старого мировоззрения. Впрочем, их было мало, мы им помахали рукой – нашему новому прошлому.